

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-89-96

ОБРАЗ СОПУТСТВУЮЩЕГО ПЕРСОНАЖА В СОВРЕМЕННОЙ ПРИХОДСКОЙ ПРОЗЕ: ФУНКЦИИ И ПРИЁМЫ СОЗДАНИЯ

Леонов И.С.

Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина
117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена феномену приходской прозы XXI века, в частности, специфике её персонажной системы. В рамках предлагаемой модели взаимодействия «пастырь – паства» выделяется особый тип *сопутствующего* персонажа, исследуются его функции и приёмы создания в произведениях современных православных писателей. Анализ базируется на материале очерков и рассказов протоиерея Александра Шантаева (цикл «Асина память»).

Ключевые слова: православная художественная литература, приходская проза, Александр Шантаев, персонаж.

THE IMAGE OF THE *COMPANION* CHARACTER IN THE MODERN PARISH PROSE: THE FUNCTIONS AND METHODS OF CREATING

I. Leonov

Pushkin State Russian Language Institute
6, Academician Volgin str., Moscow, Russian Federation, 117485

Abstract. The article reveals the phenomenon of the parish prose of the 21st century, in particular, the specifics of the system of its characters. In the frame of the model of “pastor – congregation” interaction, a special type of “companion” character is identified. The author analyzes its function in the narrative and the techniques of creation in the works of contemporary Orthodox writers. The analysis is based on the essays and stories of Archpriest Alexander Shantaev (The cycle “Asya’s memory”).

Keywords: Orthodox fiction, parish prose, Alexander Shantaev, character.

В настоящее время отмечается особый интерес филологической общественности к литературному творчеству православных священнослужителей. В научных работах (диссертациях, монографиях, статьях) поднимается вопрос о специфике данного течения современного литературного процесса, его идейно-тематическом и художественном своеобразии. Учёными предлагаются различные термины для обозначения исследуемого явления: «православная проза» [3], «иерейская проза» [1], «проза священников» [4] и т. д. Кроме того, анализируются типы сюжетов православной литературы, среди которых М.С. Краснякова выделяет паломнический, монастырский и семейно-бытовой [2]. Диссертаци-

© Леонов И.С., 2017.

онное исследование С.М. Червоненко [4] посвящено малым жанровым формам православной литературы и опирается на прозу священников Ярослава Шипова, Александра Дьяченко, архимандрита Тихона Шевкунова и др.

В наименьшей степени изученным следует признать одно из важнейших явлений православной художественной литературы сегодняшнего дня – приходскую прозу. Речь идёт об очерках и рассказах сельских священнослужителей, в которых отражается уникальный опыт знакомства и постепенного познания ими особой реальности – российской глубинки. Приходская литература включает не только произведения о сугубо внутренних церковных проблемах. По мнению писателя, этнографа, протоиерея Александра Шантаева, «Церковный приход по своей оси представляет участие верных в совершении главнейшего и первейшего христианского Таинства – Евхаристии, а всеми прочими сторонами и гранями распахнут в актуальную действительность, открыт всему фронту истории и народной культуры» [6, с. 11].

Основной задачей настоящей работы является рассмотрение феномена приходской литературы через отражение специфических черт её персонажной системы. Основное внимание будет сфокусировано на модели взаимодействия «пастырь – паства», сосуществующей наряду с другими, например, «пастырь – пастырь», «пастырь – односельчанин», «пастырь – случайный знакомый» и др. Следует отметить, что образ священника-рассказчика является центральным во всех упомянутых моделях: именно его восприятие людей, общества, событий

передаётся в приходских очерках и рассказах.

В современной приходской прозе существует большое количество произведений, в которых изображаются ближайшие помощники священника из числа мирян, имеющих определённый круг обязанностей в храме. Речь идёт не просто о верующих односельчанах рассказчика и даже не о постоянных прихожанах, а именно о тех людях, которые постоянно находятся рядом с пастырем как во время совершения последним священнодействий, так и в быту. К таким персонажам относятся церковницы Липа, Нина, Галина-слепая, Катерина Платоновна, мальчик Тёма (цикл А. Шантаева «Асина память»), пономарь Алексей Семёныч, бабка Наталка, (А. Лисняк «Сашина философия» и другие рассказы) и др. С помощью этих персонажей раскрываются психологические и ментальные особенности современных церковных людей, показана специфика их взаимодействия как со священником, так и мирянами, вынужденными в той или иной ситуации обращаться к помощи церковного сообщества.

Настоящее исследование базируется на произведениях протоиерея Александра Шантаева, вошедших в сборник «Асина память» [5], однако же в перспективе может быть расширено за счёт обращения к литературному творчеству иных православных авторов.

Анализ ряда произведений показывает, что в приходской прозе формируется особый персонажный тип – *сопутствующий*. Речь идёт о человеке, регулярно или эпизодически сопровождающем священника к месту совершения надомной требы и помогающем

во время её исполнения. Предлагаемое название данного типа связано с рассказом А. Шантаева «В Петрово», в котором оно впервые встречается, при этом используются кавычки: «сопутствующая бабушке», по-своему деликатная, хотя и не в меру любопытная бабушка, Нина как бы мимоходом интересуется, живы ли мои родители...» [5, с. 135].

Образ сопутствующего раскрывается наиболее полно на следующих этапах: а) совместный с рассказчиком выход за пределы храмового пространства (например, по дороге к дому причастника или покойного), б) совершение таинства или обряда, в) возвращение в храм.

Наиболее информативным в плане раскрытия внутреннего мира сопутствующего следует признать первый этап. Именно здесь происходит своеобразное знакомство читателя с персонажем, показ его наиболее характерных внешних и внутренних черт, с помощью которых создаётся портрет современного общества российской глубинки. Этот процесс включает следующие элементы:

- портретная характеристика;
- указание на черты характера, особенности поведения и мировоззрения;
- речевая характеристика;
- обращение к прошлому персонажа;
- определение места в своеобразной «иерархии» служителей церкви.

Так, при изображении сквозного персонажа цикла «Асина память» Галины-слепой, автор использует контраст, подчёркивающий разницу между внешним и внутренним обликом женщины: «Эта Галина – мешковатая, широкая в плечах, с грубыми от чёрной работы руками, но с нежной и

даже временами плаксивой душой...» [5, с. 150]. В процессе описания сопутствующей Нины писатель обращает внимание на её манеру говорить, а также на свойственные ей невербальные особенности, что, по его мнению, связано с региональными традициями: «Выговор здешних жителей, владимирских и ярославских, по-особому окающий, с напевным обертонем гласных и характерным растягиванием междометий... <...> При сдержанном северном характере и малоподвижной мимике эта голосовая модуляция выражает силу простосердечных страстей, скрываемых за чинностью манер» [5, с. 135]. Также сопутствующую характеризует едва скрываемое желание быть «на одной волне» со священником, попытка предугадать и заранее озвучить его мысли, связанные с оценкой прошлого и настоящего. При этом реплики и выводы собеседницы заранее угадываются повествователем: «Она, *конечно же* (курсив наш. – И. Л.), сокрушалась: «Сколько всего порушили!» – вздыхала о том, как в юности отходили от Бога, как не берегли то, что имели» [5, с. 134-135].

Стремление быть «на одной волне» с пастырем раскрывается и через критическую оценку состояния современного общества, научно-технического прогресса и т. д.: «Вот спутник американцы запустили на другую планету. Разве Господь за это похвалит?» [5, с. 135]. При этом автор акцентирует внимание на чертах поведения женщины, свойственных не столько церковным старушкам, сколько пожилому поколению в целом. Речь идёт о внимании к приметам и предзнаменованиям. Так, обращая внимание на небывалый урожай рябины, Нина замечает: «Вот,

Господь наказывает природе готовить запасы птице на прокорм. Зима будет тя-я-жёлая!» [5, с. 135]. **Ей же принадлежит** реплика об изменениях климата, которые она связывает с духовным состоянием человека и общества: «А где-то, забыла, три метра снегу выпало. Что в народе, то и в погоде...» [5, с. 135]. Кроме того, изображая поведение Нины, автор акцентирует внимание читателей на психологических и поведенческих особенностях целого поколения: «Всю дорогу до деревни мы с Ниной занимали себя разговорами, поскольку любой бабке долгое молчание в тягость...» [5, с. 134].

В отдельных произведениях приходской литературы наблюдается обращение к прошлому сопутствующего персонажа, знакомство с его судьбой и непростым, как правило, путём к обретению веры. Так в произведении «Злая невеста» сопутствующая старушка Липа «делилась старинными своими воспоминаниями, как не хотела с юности выходить замуж (...), да судьба и родители заставили» [5, с. 27]. Рассказ Липы образует своеобразный вставной сюжет произведения, реализуемый на этапе перехода персонажей из привычного церковного в секулярное пространство, в котором священнику предстоит столкнуться с сильными духовными переживаниями. Функция данного сюжета – показать судьбу русской женщины, раскрыть особенности её характера, драматизм семейных отношений. Центральным событием в жизни Липы, с духовной точки зрения, можно считать нарушение обета безбрачия, с которым пожилая женщина связывает череду несчастий, выпавших на долю её детей: «Ах, не надо было слушать родителей, не была бы

замужем, не родила бы деток, и не мучились бы они... Позатот год дочку на заводе сократили, сын на машине, что дороги чистит, – работа тяжёлая, а платят мало» [5, с. 27]. **Сокрушаясь о детях**, Липа явно забывает о себе, хотя и на её долю выпало множество испытаний, например, жизнь с мужем – обладателем буйного нрава: «О нём говорит добродушно: – Он у меня задиристый был, но отходчивый» [5, с. 27].

Неоднократно А. Шантаев обращает внимание на особенность русского пожилого человека усматривать во многих жизненных обстоятельствах различные символы, воспринимаемые им как некий сакральный знак констатирующего или предупреждающего характера. В рассказе «Злая невеста» читатель находит подтверждение этому: так, упавшую со стены икону Божией Матери Липа воспринимает в контексте нарушенного обета: «Не сохранила обета, и разбилась икона надвое. Двое детей и родилось...» [5, с. 28].

Важным элементом раскрытия образа сопутствующего персонажа становится указание на занимаемое им место в церковной «иерархии». Следует оговориться, что под иерархией понимается не система взаимодействия лиц, наделённых духовным саном, а негласная «иерархия» работников храма (как правило, пожилых женщин), имеющих определённый круг обязанностей на приходе: уборка, уход за подсвечниками, приготовление просфор и т. д. Отметим, что изображаемые в цикле А. Шантаева «Асина память» церковницы занимают достаточно скромное место в этой системе: так Галина-слепая упоминается как простая уборщица, а Липа «четвёртый десяток прислуживает при церкви, а так и не

сумела закрепится за постоянным местом – все гоняли её «старшие» бабки...» [5, с. 26].

Значительно меняется функция сопутствующего персонажа на этапе совершения обрядовых действий вне храмового пространства. Речь идёт о посещении священником и его помощником больного или умирающего человека с целью совершить над ним положенные священнодействия (соборование, исповедь, причащение), а также о ситуации надомного отпевания или панихиды по покойному. В подобном случае любые разговоры, выходящие за рамки обрядовых действий, становятся неуместными, что делает невозможным дальнейшее раскрытие внутреннего мира сопутствующего персонажа. Однако же в данном контексте с помощью кратких реплик и комментариев помощник проливает свет на судьбу умирающего человека и его ближайших родственников. Таким образом, на данном этапе повествования происходит смена акцентов с личности сопутствующего на внутренний мир и обстоятельства жизни адресата обрядовых действий. Это становится возможным благодаря особой посреднической позиции, которую занимает человек, прислуживающий священнику. С одной стороны, он относится к числу мирян, что делает его ближе к односельчанам, а также принадлежит деревенскому пространству, в котором родился и / или прожил большое количество лет. С другой, – очевидна принадлежность сопутствующего церковному миру: он помогает священнику при совершении обрядовых действий, иногда берёт на себя хлопоты по организации надомной требы, участвует в поддержании бытовой сто-

роны приходской жизни, лично знает священника и имеет возможность часто общаться с ним. И, наконец, в доме умирающего он появляется вместе с пастырем и таким же образом покидает его жилище. При этом становится очевидным, что в обычной жизни, вне богослужебно-обрядового контекста, сопутствующий может быть приятелем или соседом умирающего человека, знать его семью, обстоятельства жизни его ближайших родственников. Так, в рассказе «Сирота» помогающая священнику Галина-слепая обращается к умирающей старухе Наталье: «Я с Николаем твоим в школе вместе училась <...> Помню его, ох, бедовый был!» [5, с. 153].

Комментирующая роль сопутствующего персонажа осуществляется и в процессе совместного беглого просмотра интерьера комнаты, где лежит больной человек, а также находящихся в ней портретов и фотографий. Для творчества А. Шантаева характерно внимание к подобным деталям: с их помощью рассказчик пытается выстроить отдельные эпизоды жизни адресата обрядовых действий, своеобразно «познакомиться» с его живыми и умершими родственниками. В произведении «Сирота» во время совершения таинства пастырь время от времени бросает взгляд на фотокарточки, что не остаётся незамеченным со стороны Галины, которая кратко комментирует их содержание, подтверждая или дополняя впечатления повествователя: «Ещё на одной фотографии – белобрысый солдат в форме <...> Вид бойкий и даже залихватский, в углу рта зажата папироса. – Сидел в тюрьме за драку, а вернувшись, умер от рака желудка, продолжает коммен-

тировать Галина, проследив за моим взглядом» [5, с. 153].

В ряде случаев реплики сопутствующего персонажа могут способствовать своеобразному приращению смысла, возникновению в произведении дополнительных мотивов. Так, взгляд повествователя на фотографию человека, «знающего себе цену и явно довольного собой» [5, с. 153], вызывает следующий комментарий церковной уборщицы: «Умер от сердечного приступа в восемьдесят четвёртом году» [5, с. 153]. Таким образом, в тексте возникает мотив зыбкости человеческого существования, неминуемого финала, который может наступить в любой момент в том числе и для успешного и уверенного в себе человека.

Изображение сопутствующего персонажа на этапе возвращения после совершённых обрядовых действий встречается в приходской литературе гораздо реже, однако же играет немаловажную роль. Так, в прозе А. Шантаева упоминается о ряде неожиданных комических эпизодов, которые случаются со священником и его спутником на обратном пути. Рассказ «Сирота» завершается изображением борьбы Галины с напавшей на неё козой и шутливым препирательством с рассказчиком. При этом последний явно любит и умиляется, глядя на свою спутницу, пожелавшую проявить несвойственную ей строгость по отношению к животному: «– Ах ты, дура такая! – смешно сердится Галина, ухватывает козу за рога и отводит в подъезд. – Сиди там, раз не умеешь себя вести как положено. Вот, батюшка, сейчас бы она нам накозыряла! – Не нам, а вам, – посмеиваюсь. – Я бы от неё убежал. Мы шутливо препираемся

и уходим» [5, с. 155]. В рассказе «Похоронили», возвращающийся после панихиды священник пересказывает своему спутнику мальчику-пономарю Тёме содержание странного сна, в котором ему пришлось отпевать самого себя. Рассказ завершается шутливым комментарием ребёнка: «Вы, батюшка, уже так наотпевались, что вам только похороны и снятся!» [5, с. 145]. Таким образом, на этапе возвращения персонажи в какой-то степени лишаются строгости и степенности, связанной с обрядовым характером ситуации. В этот момент в них начинает проявляться детское, порой игровое начало, свойственное любому человеку. Подобный переход от серьёзного к шутливому раскрывает многие психологические грани пастыря и его ближайшего окружения – людей, постоянно сталкивающихся с человеческими бедами, болезнями и смертью.

Очевидно, что в контексте приходской литературы можно говорить о соединении двух векторов: сакрального (вертикального) и житейского (горизонтального). Первый связан с метафизической глубиной таинства и выражается через отдельные указания на обрядовые действия, цитирование фрагментов молитв и песнопений, реплики священника и умирающего, произносимые в процессе исповеди. Горизонтальный вектор находит своё отражение в бытовых деталях, особенностях интерьера, а также проявляется через комментирующие фразы сопутствующего персонажа, занимающего в текстах приходской литературы посредническую позицию между священником и сообществом мирян.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Каплан В.М. Иерейская проза. Станет ли она литературным явлением? // Фома. 2010. № 1 (81). С. 21-24.
2. Краснякова М.С. Современная православная проза: генезис, основные мотивы, типология сюжетов: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2016. 22 с.
3. Леонов И.С., Корепанова В.А. Поэтика православной прозы XXI века. М-Ярославль: Ремдер, 2011. 122 с.
4. Червоненко С.М. Духовно-нравственные аспекты творчества писателей-священнослужителей: малые жанры русской прозы 1990-2000-х годов: автореф. дисс... канд. филол. наук. М., 2013. 22 с.
5. Шантаев А. Асина память: рассказы из российской глубинки. М.: Никая, 2015. 256 с.
6. Шантаев А. Священник. Колдуньи. Смерть. Этнографические очерки сельского прихода. М.: Благо, 2004. 240 с.

REFERENCES

1. Kaplan V.M. Priestly prose. Will it become a literary phenomenon? In: *Foma* [Thomas]. 2010, no. 1 (81), pp. 21-24. (In Russ.)
2. Krasnyakova M.S. *Sovremennaya pravoslavnaya proza: genezis, osnovnyye motivy, tipologiya syuzhetov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Modern Orthodox prose: Genesis, the main motives, typology of plots: abstr. of thesis of candidate of Philological sciences]. Voronezh, 2016, 22 p. (In Russ.)
3. Leonov I.S., Korepanova V.A. *Poetika pravoslavnoi prozy XXI veka* [The Orthodox poetics of prose of the 21st century]. Moscow-Yaroslavl, Remder Publ., 2011, 122 p. (In Russ.)
4. Chervonenko S.M. *Dukhovno-nravstvennyye aspekty tvorchestva pisatelei-svyashchenosluzhitelei: malye zhanry russkoi prozy 1990-2000-kh godov: avtoref. dis... kand. filol. nauk* [The spiritual and moral aspects of creativity of writers-clergy: small genres of Russian prose 1990-2000s: abstr. of thesis of candidate of Philological sciences, Moscow, 2013, 22 p. (In Russ.)
5. Shantaev A. *Asina Pamyat': rasskazy iz rossiiskoi glubinki* [Asya's memory: stories from Russian heartland]. Moscow, Nikeya Publ., 2015, 256 p.
6. Shantaev A. *Svyashchennik. Koldun'i. Smert'. Etnograficheskie ocherki sel'skogo prikhoda* [Priest. Witches. Death. Ethnographic sketches of a country parish]. Moscow, Blago Publ., 2004, 240 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Леонов Иван Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры мировой литературы Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина;
e-mail: mamif.lis@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivan Leonov – candidate of Philological Sciences, associated professor, associated professor at the department of World literature of Pushkin State Russian Language Institute;
e-mail: mamif.lis@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Леонов И.С. Образ *сопутствующего* персонажа в современной приходской прозе: функции и приёмы создания // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 2. С. 89-96.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-89-96

CORRECT REFERENCE

I. Leonov. The image of the *companion* character in the modern parish prose: the functions and methods of creating. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2017, no. 2, pp. 89-96.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-89-96